

Андрей Белый

Первое свидание

*Часть сборника
Петербург. Стихотворения
(сборник)*

Андрей Белый
Первое свидание

«Public Domain»

Белый А.

Первое свидание / А. Белый — «Public Domain»,

«Киркою рудокопный гном
Согласных хрусты рушит в томы... Я –
стилистический прием, Языковые идиомы!
Я – хрустом тухнувшая печь, —
Пеку прием: стихи – в начинку;
Давно поломанная вещь, Давно пора меня в
починку...»

Содержание

Предисловие	5
1	6
2	12
3	23
4	33
Эпилог	38

Андрей Белый

Первое свидание

Поэма

Предисловие

Киркою рудокопный гном
Согласных хрусты рушит в томы...
Я – стилистический прием,
Языковые идиомы!
Я – хрустом тухнущая пещь, —
Пеку прием: стихи – в начинку;
Давно поломанная вещь,
Давно пора меня в починку.
Висок – винтящая мигрень...
Душа – кутящая...
И – что же?..
Я в веселящий Духов день
Склонен перед тобою, Боже!

Язык, запрядай тайным сном!
Как жизнь, восстань и радуй: в смерти!
Встань – в жерди: пучимым листом
Встань – тучей, горностаем: в тверди!
Язык, запрядай вновь и вновь!
Как бык, обрадуй зыком плоти:
Как лев, текущий рыком в кровь,
О сердце, взмахами милоти!
Орел: тобой пересекусь...
Ты плоти – жест, ты знанью – числа...
«Ха» с «И» в «Же» – «Жизнь»:
Христос Иисус —
Знак начертательного смысла...

Ты в слове Слова – богослов:
О, осиянная Осанна
Матфея, Марка, Иоанна —
Язык!.. Запрядай: тайной слов!

О, не понять вам, гномы, гномы:
В инструментаций гранный треск —
Огонь, вам странно незнакомый,
Святой огонь взвивает блеск.

1

Взойди, звезда воспоминанья;
Года, пережитые вновь:
Поэма – первое свиданье,
Поэма – первая любовь.
Я вижу – дующие зовы.
Я вижу – дующие тьмы:
Войны поток краснобагровый,
В котором захлебнулись мы...
Но нет «вчера» и нет «сегодня»:
Всё прошлое озарено,
Лишь песня, ласточка господня,
Горюче взвизгнула в окно...
Блести, звезда моя, из дали!
В пути года, как версты, стали:
По ним, как некий пилигрим,
Бреду перед собой самим...
Как зыби, зыблемые в ветры,
Промчите дни былой весны, —
Свои ликующие метры,
Свои целующие сны...

Год – девятьсотый: зори, зори!..
Вопросы, брошенные в зори...

Меня пленяет Гольбер Гент...¹
И я – не гимназист: студент...
Сюртук – зеленый, с белым кантом;
Перчатка белая в руке;
Я – меланхолик, я – в тоске,
Но выгляжу немного франтом;
Я, Майей мира полонен,
В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах «poudre Simon»,
Влюбляясь в розы Аткинсона.²
Но, тексты чтя Упанишад,
Хочу восстать Анупадакой,³
Глаза тарашу на закат
И плачу над больной собакой;
Меня оденет рой Ананд⁴
Венцом таинственного дара:

---

¹ Английский прерафаэлит.

² «Уайт-роза» – духи фабрики Аткинсона.

³ Анупадака – безначальный: высокая ступень посвящения.

⁴ Ананда – ученик Будды.

Великий духом Даинанд,⁵
Великий делом Дармотарра...⁶

Передо мною мир стоит
Мифологической проблемой:
Мне Менделеев говорит
Периодической системой;
Соединяет разум мой
Законы Бойля, Ван-дер-Вальса —
Со снами веющего вальса,
С богами зреющей тьмой:
Я вижу огненное море
Кипящих веществом существ;
Сижусь в дыму лабораторий
Над разложением веществ;
Кристаллизуются растворы
Средь колб, горелок и реторт...
Готово: порошок растерт...

Бывало, — затеваю споры...
Пред всеми развиваю я
Свои смесительные мысли;
И вот — над бездной бытия
Туманы темные повисли...
— «Откуда этот ералаш?» —
Рассердится товарищ наш,
Беспечный франт и вечный скептик:
— «Скажи, а ты не эпилептик?»

Меня, бывало, перебьет
И миф о мире разовеет...

Жил бородатый, грубоватый
Богов белоголовый рой:
Клокочил бороды из ваты;
И — обморочил нас игрой.
В метафорические хмури
Он бросил бедные мозги,
Лия лазуревые дури
На наши мысленные зги;
Аллегорическую копоть,
Раздувши в купол голубой,
Он дружно принимался хлопать
На нас, как пушками, судьбой;
Бросался облачной тропею,
От злобы лопааясь, — на нас,

---

⁵ Суами Сарасвати Даинанд — проповедник Индии XIX столетия.

⁶ Дармотарра — буддийский логик, последователь и комментатор философа Дармакирти (школа Дигнаги).

Пустоголовою толпою,
Ругая нас... В вечерний час, —
Из тучи выставив трезубцы,
Вниз, по закатным янтарям,
Бывало, боги-женолюбцы
Сходили к нашим матерям...

Теперь переменялись роли;
И больше нет метаморфоз;
И вырастает жизнь из соли;
И движим паром паровоз;
И Гревса Зевс – не переладит;
И физик – посреди небес;
И ненароком Брюсов адит;
И гадость делает Гадес;
И пролетарий – горный летчик;
И – просиявший золотарь;
И переводчик – переплетчик;
И в настоящем – та же старь!

Из зыбей зыблемой лазури,
Когда отвеяна лазурь, —
Сверкай в незыблемые хмури,
О, месяц, одуванчик бурь!
Там – обесславленные боги
Исчезли в явленную ширь:
Туда серебряные роги,
Туда, о месяц, протопырь!
Взирай оттуда, мертвый взорич,
Взирай, повешенный, и стынь, —
О, злая, бешеная горечь,
О, оскорбленная ледынь!
О, тень моя: о тихий братец,
У ног ты – вот, как черный кот:
Обманешь взрывами невнятиц;
Восстанешь взрывами пустот.

Но верю: ныне очертили
Эмблемы вещей глубины —
Мифологические были,
Теологические сны,
Сплетаясь в вязи аллегорий:
Фантомный бес, атомный вес,
Горюче вспыхнувшие зори
И символов дремучий лес,
Неясных образов законы,
Огромных космосов волна...

Так шумом молодым, зеленым, —

Меня овеяла весна;

Так в голове моей фонтаном
Взыграл, заколобродил смысл;
Так вьются бисерным туманом
Над прудом крылья коромысл;
Так мысли, легкие стрекозы,
Летят над небом, стрекоча;
Так белоствольные березы
Дрожат, невнятицей шепча;
Так звуки слова «дар Валдая»
Балды, над партою болтая, —
Переболтают в «дар валдая»...

Ах, много, много «дар валдаев» —
Невнятиц этих у меня.
И мой отец, декан Летаев,
Руками в воздух разведя:
«Да, мой голубчик, – ухо вянет:
Такую, право, порешь чушь!»
И в глазках крошечных проглянет
Математическая сушь
Широконосый и раскосый
С жестковолосой бородой
Расставит в воздухе вопросы:
Вопрос – один; вопрос – другой;
Неразрешимые вопросы...
Так над синеющим цветком,
Танцуя в воздухе немом,
Жужжат оранжевые осы.

И было: много, много дум;
И метафизики, и шумов...

И строгой физикой мой ум
Переполнял: профессор Умов.⁷
Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув выю,
Что парадоксами Максвелл⁸
Уничтожает энтропию,
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновские вихри,⁹
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит, летит

---

⁷ Профессор физики Московского университета в 900-х годах.

⁸ Известный физик.

⁹ Томсон – английский физик автор теории вихревого строения вселенной.

Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт – новый...

– «Мир – взлетит!» —
Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

Мир – рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой;
Я – сын эфира, Человек, —
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирию эфирной
За миром мир, за веком век.
Из непотухнувшего гула
Взметая брызги, взвой огня,
Волною музыки меня
Стихия жизни оплеснула:
Из летаргического сна
В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна!), —
Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый, —

– Как Далай-лама молодой
С белоголовых Гималаев, —

Передробляемый звездой,
На зыби, зыблемые Майей...

В душе, органом проиграв,
Дни, как орнамент, полетели,
Взвиваясь запахами трав,
Взвиваясь запахом метели.
И веял Май – взвивной метой;
Июнь – серью бирюзовой;
Сентябрь – листвою золотой;
Декабрь – пургой белоголовой.
О лазулитовая лень,
О меланитовые очи!
Ты, колокольчик белый, – день!
Ты, колокольчик синий, – ночи!
Дышал граненый мой флакон;
Меня онежили уайт-розы,¹⁰
Зеленосладкие, как сон,
Зеленогорькие, как слезы.
В мои строфические дни
И в симфонические игры,

---

¹⁰ Духи.

Багря, зрели из зари
Дионисические тигры...
Перчатка белая в руке;
Сюртук – зеленый: с белым кантом...
В меня лобзавшем ветерке
Я выглядел немного франтом,
Умея дам интриговать
Своим резвящимся рассудком
И мысли легкие пускать,
Как мотыльки по незабудкам;
Вопросов комариный рой
Умел развеять в быстротечность,
И – озадачить вдруг игрой, —
Улыбкой, брошенной... в вечность...
Духовный, негреховный свет, —

– Как нежный свет снегов нездешних,
Как духовеющий завет,
Как поцелуи зовов нежных,
Как струи слова Заратустра, —

Вставал из ночи темной...
Я помню: переливы люстр;
Я помню: зал белоколонный
Звучит Бетховеном, волной;
И *Благородное собрание*,¹¹ —
Как мир – родной (как мир весной),
Как старой драмы замиранье,
Как то, что смеет жизнь пропеть,
Как то, что веет в детской вере...

---

¹¹ Зал Благородного собрания – московский концертный в 900-х годах.

2

На серой вычищенной двери
Литая, чищенная медь...

Бывало: пламенная вьюга;
И в ней – прослеженная стезь;
Томя предчувствиями юга,
Бывало, всё взревает здесь;
В глазах полутеней и светов,
Мне лепестящих, нежных цветов
Яснеет снежистая смесь;
Следя перемокревшим снегом,
Озябший, заметенный весь,
Бывало, я звонился здесь
Отдаться пиршественным негам.

Михал Сергеич Соловьев,
Дверь отворивши мне без слов,
Худой и бледный, кроя плэдом
Давно простуженную грудь,
Лучистым золотистым следом
Свечи указывал мне путь,
Качаясь мерною походкой,
Золотохохлой головой,
Золотохохлою бородкой, —
Прищурый, слабый, но живой.

Сутуловатый, малорослый
И бледноносый – подойдет,
И я почувствую, что – взрослый,
Что мне идет двадцатый год;
И вот, конфузясь и дичая,
За круглым ласковым столом
Хлебну крепчающего чая
С ароматическим душком;
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр;
Развевя веером вопросы,
Он чубуком из янтаря, —
Дымит струями папиросы,
Голубоглазит на меня;
И ароматом странной веры
Окурит каждый мой вопрос;
И, мне навевая атмосферы,

В дымки просовывает нос,
Переложив на ногу ногу,
Перетрясая пепел свой...

Он – длань, протянутая к Богу
Сквозь нежный ветер пурговой!

Бывало, сбрасывает повязь
С груди – переливной, родной:
Глаза – готическая прорезь;
Рассудок – розблеск искряной!
Он видит в жизни пустоглазой
Рои лелеемых эмблем,
Интересуясь новой фазой
Космологических проблем,
Переплетая теоремы
С ангелологией Фомы;
И – да: его за эти темы
Ужасно уважаем мы;
Он книголюб: любитель фабул,
Знаток, быть может, инкунабул,
Слагатель не случайных слов,
Случайно не вещавших миру,
Которым следовать готов
Один Владимир Соловьев...

Я полюбил укромный кров —
Гостеприимную квартиру...
Зимой, в пурговые раскаты
Звучало здесь: «Навек одно!»
Весною – красные закаты
Пылали в красное окно.
На кружевные занавески
Лия литые янтари;
Любил египетские фрески
На выцветавших драпри,
Седую мебель, тюли, даже
Любил обои цвета «бискр», —
Рассказы смазанных пейзажей,
Рассказы красочные искр.
Казалось: милая квартира
Таила летописи мира.

О. М., жена его, – мой друг,
Художница —
– (в глухую осень
Я с ней... Позвольте – да: лет восемь
По вечерам делил досуг) —

Молилась на Четы-Миней,
Переводила де Виньи;
Ее пленяли Пиренеи,
Кармен, Барбье д'Оревиллы,
Цветы и тюлевые шали —
Всё переписывалась с «Алей»,
Которой сын писал стихи,
Которого по воле рока
Послал мне жизни бурелом;
Так имя Александра Блока
Произносилось за столом
«Сережей», сыном их: он – мистик,
Голубоглазый гимназистик:
О Логосе мы спорим с ним,
Не соглашаясь с Трубецким,
Но соглашаясь с новым словом,
Провозглашенным Соловьевым
О «Деве Радужных Ворот»,¹²
О деве, что на нас сойдет,
Овеяв бирюзовым зовом,
Всегда таимая средь нас:
Взирала из любимых глаз.

«Сережа Соловьев» – ребенок,
Живой смысленный ангеленок,
Над детской комнаткой своей
Восставший рано из пеленок, —
Роднею соловьевской всей
Он встречен был, как Моисей:
Две бабушки, четыре дяди,
И, кажется, шестнадцать теть
Его выращивали пяди,
Но сохранил его Господь;
Трех лет, ну право же-с, ей-богу-с, —
Трех лет (скажу без лишних слов),
Трех лет ему открылся Логос,
Шести – Григорий Богослов,
Семи – словарь французских слов;
Перелагать свои святыни
Уже с четырнадцати лет
Умея в звучные латыни,
Он – вот, провидец и поэт,
Ключарь небес, матерый мистик,
Голубоглазый гимназистик, —
Взирает в очи Сони Н-ой,
Огромный заклокочив ключень;

---

¹² Гностический термин Софии, Премудрости, встречаемый в стихотворении Вл. Соловьева «Не Изида Трехвенечная венсу им принесет, а не тронутая, вечная, „Дева Радужных Ворот“...»

Мне блещут очи – очень, очень —
Надежды Львовны Зариной.
Так соглашаясь с Соловьевым,
Провидим Тайную весной:
Он – Сонечку, живую зовом;
Я – Заревую: в Зариной...

Она!.. Мы в ней души не чаем...
Но кто она?.. Сидим за чаем:
Под хохот громкий пурговой
Вопрос решаем роковой.
Часы летят... Не замечаем...
– «Скажи, тобой увлечена
Надежда Львовна Зарина?..»
– «Не знаю я...»
– «Быть может?»
– «А?!»

Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр;
Его он сбрасывает кротко
Золотохлой головой
С золотохлой бородкой,
Прищурый, слабый, но живой;
И клонит кончик носа снова
В судьбу вопроса рокового:
– «Надежда Львовна Зарина!
Как?!. Воплощение Софии?..»
«В ней мне пророчески ясна
Судьба священная России:
Она есть Львовна, дочка Льва;
Лев – символический, Иудин...»

– «Зарин, Лев Львович, – пошлый франт?
Безусый, лысый коммерсант?»
«Вопрос гностически не труден:
Серапис, или Апис, – бык,
Таящий неба громкий зык,
Есть только символ чрезвычайный
Какой-то сокровенной тайны...»

– «Ну, хорошо, а что есть Лев?»

– «Иудин Лев – веков напев».

.....

Высокий, бледный и сутулый,
Ты где, Сережа, милый брат;

Глаза – пророческие гулы,
Глаза, вперенные в закат:
Выходишь в Вечность... на Арбат;¹³
Бывало: бродишь ты без речи;
И мне ясней слышна, видна:
Арбата юная весна,
Твоя сутулая спина,
Твои приподнятые плечи,
Бульваров первая трава,
И вдруг: как на зеркальной зыбке
Пройдут пузырьками рыбки, —
Меж нами умные слова
И вовсе детские улыбки:
И разговор о сем, о том,
О бесконечности, о Бrame,
О Вечности, огромной даме,
Перерастают толстый том;
И на Арбате мчатся в Вечность:
Пролеток черных быстротечность,
Рабочий, гимназист, кадет...
Проходят, ветер взвив одежды,
Глупцы, ученые, невежды;
Зарозовеет тихий свет
С зеленой вывески «Надежды»¹⁴
Над далью дней и далью лет...

Смутяся уличною давкой,
Смутяся колониальной лавкой,
Я упраздняю это всё:
«Мир – представление мое!»
Ты – пламенный, в крылатке серой
Средь зданий, каменных пустынь:
Глаза, открытые без меры, —
В междупланетную ледынь,
Свои расширенные сини
Бросают, как немой вопрос,
Под шапкой пепельных волос.

Бывало: за Девичьим Полем
Проходит клиник белый рой;
Мы тайну сладостную волим,
Вздыхаем радостной игрой:
В волнах лучистого эфира
Читаем летописи мира.
Из перегаров красных трав
В золотокарей пыли летней,

---

¹³ Улица в Москве.

¹⁴ Писчебумажный магазин на Арбате.

Порывом пыли плащ взорвав,
Шуршат мистические сплетни...
Проходит за городом: лес
Качнется в небе бирюзовом;
Проснется зов: «Воанергес!»
Пахнёт: Иоанном Богословом...
И – возникает в небе ширь
Новодевичий монастырь.

Огромный розовый собор
Подъемлет купол златозор;
А небо – камень амиант —
Бросает первый бриллиант;
Забирюзевший легкий пруд,
Переливаясь в изумруд,
Дробим зеркальною волной;
И – столб летает искряной...
Там небо бледное, упав,
Перетянулось в пояс трав;
Там бездна – вверх, и бездна – вниз:
Из бледных воздушных и риз;
Там в берега плеснет волной —
Молниеносною блесной...

Из мира, суетной тюрьмы, —
В ограду молча входим мы...

Крестов протянутая тень
В густую душную сирень,
Где ходит в зелени сырой
Монашек рясофорный рой,
Где облак розовый сквозит,
Где нежный воздух бирюзит;
Здесь, сердце вешее, – измлей
В печаль белеющих лилей;
В лилово-розовый левкой
Усопших, Боже, упокой...
Присел захожий старичок,
Склонясь на палку... В ветерок —
Слетают скорбные листы;
Подъемлют сохлые кресты
Плач переблеклых огоньков
И клянч фарфоровых венков.
Ты, сердце, – неумолчный стриж —
Кого зовешь, о чем визжишь?

Кроваво-красная луна
Уже печальна и бледна...
Из церкви в зелени сырой

Проходит в кельи черный рой;
Рукопростерты кресты
Столпились в ночь... Приди же, Ты, —
Из прежних дней, из прежних лет!..
В часовне – цветоблеклый свет:
В часовне житель гробовой
К стеклу прижался головой;
И в стекла красные глядит,
И в стекла красные стучит.
Чуть фософреющий из трав,
Сквозною головою встав, —
Подъемлет инок неживой
Над аналоем куколь свой...
.....
.....

О, незабвенные прогулки,
О, незабвенные мечты,
Москвы кривые переулки...
Промчалось всё: где, юность, ты!..
Перемелькали наши взлеты
На крыльях дружбы и вражды
В неотрывные миголеты,
В неотразимые судьбы,
Чтоб из сумятицы несвязной,
И из невнятиц бытия
В тиски подагры неотвязной
Склонился лысиною я.
Зальются слабнущие светы
Под мараморохом¹⁵ зимы
Переливной струею Леты,
Незаливной струею тьмы...
Рассудку, рухнувшему, больно, —
Рассудку, тухнущему в ночь...
И возникают сны невольно,
Которых мне не превозмочь...
.....

Да, – и опора в детской вере,
И Провидения рука —
На этой вычищенной двери
Литая, медная доска:
Михал Сергеич Соловьев
(С таких-то до таких часов).
.....

Здесь возникал салон московский,

---

¹⁵ Мараморохи – народное выражение в значении «мороки».

Где – из далекой мне земли, —
Ключевский, Брюсов, Мережковский
Впервые предо мной прошли.
Бывало: —
– снеговая стая —
Сплошное белое пятно —
Бросает крик, слетая, тая —
В запорошенное окно;
Поет под небо белый гейзер:
Так заливается свирель;
Так на эстраде Гольденвейзер¹⁶
Берет уверенную трель.
Бывало: в вой седоволосый
Пройдет из Вечности самой
Снегами строящий вопросы
Черноволосою космой, —
Захотавший в вой софистик,
Восставший шубой в вечный зов, —
Пройдет «Володя», вечный мистик,
Или – Владимир Соловьев...
Я не люблю характеристик,
Но все-таки... —
– Сквозной фантом,
Как бы согнувшийся с ходулей,
Войдет, и – вспыхнувшим зрачком
В сердца ударится, как пулей;
Трясем рукопожатьем мы
Его беспомощные кисти,
Как ветром неживой зимы
Когда-то свеянные листья;
Над чернокосмой бородой,
Клокоча виснувшие космы
И желчно дующей губой
Раздувши к чаю макрокосмы,
С подпотолочной вышины
Сквозь мараморохи и сны
Он рухнет в эмпирию кресла, —
Над чайной чашкою склонен,
Сердит, убит и возмущен
Тем, что природа не воскресла,
Что сеют те же господа
Атомистические бредни,
Что декаденты – да, да, да! —
Свершают черные обедни
(Они – пустое решето:
Козлят не с Музой – с сатирессой,
И увенчает их за то

---

¹⁶ Известный московский пьянист.

Патриотическая пресса),
Что над Россией – тайный враг
(Чума, монголы, эфиопы),
Что земли портящий овраг
Грызет юго-восток Европы;
Стащивши пару крендельков
С вопросом: «Ну и что ж в итоге?»
Свои переплетает ноги —
Грохочет парой каблуков.

Судьба трагическая дышит
Атмосферическим дымком,
И в «Новом времени» о том
Демчинский знает, но не пишет:
– «В сознание нашем кавардак:
Атмосферических явлений
Свечений зорь нельзя никак
Понять с научной точки зрения».
Он – угрожает нам бедой,
Подбросит огненные очи;
И – запророчит к полуночи,
Тряхнув священной бородой!..

Так в ночи вспыхивает магний;
Бьет электрический магнит;
И над поклонниками Агни,
Взлетев, из джунглей заогнит;
Так погромыживает в туче
Толпа прохожих громарей;
Так плещут в зыбине летучей,
Сребрея, сети рыбарей.
За ним вдогонку – следом, следом,
Михал Сергеич делит путь,
Безмолвный, ровный, кроя плэдом
Давно простуженную грудь,
Потея в вязаной рубашке,
Со столика приняв поднос,
На столике расставив шашки,
Над столиком поставив нос;
И скажет в пепел папирос
В ответ на новости такие:
– «Под дымкой – всё; и всюду – тень...
Но не скудеет Мирликия...¹⁷
Однако ж... будет: Духов день!»

Свой мякиш разжевавши хлеба,
Сережа Соловьев под небо

---

¹⁷ Родина Николая Чудотворца, аллегорически – «Страна Чудес».

Воскликнет – твердый, как кремень:
– «Не оскудела Мирликия!..
А ну-ка все, кому не лень,
В ответ на дерзости такие, —
В Москве устроим Духов день!»
Но Соловьев, не отвечая,
Снедаем мировой борьбой,
Проглотит молча чашку чая,
Рукой бросаясь, как на бой,
На доску: он уткнется в шашки;
И поражают худобой
Его обтянутые ляжки;
Бывало, он пройдет к шинели:
В меха шинели кроет взор;
И – удаляется в метели:
Седую головой в бобер;
А вихри свистами софистик
Всклокочут бледный кругозор!
Привзвизгнут: «Вот великий мистик!»
И – пересвищут за забор!

А мы молчим, одним объята;
В веках – одно: навек одно...
А перезвоны, перекааты
Снежат, как призраки, в окно;
А лампа бросит в занавески
Свои литые янтари;
Молчат египетские фрески
На выцветающих драпри.
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснется,
Переплеснется блеском искр...

Он – канул в Вечность: без возврата;
Прошел в восторг нездешних мест:
В монастыре, в волнах заката, —
Рукопростертый, белый крест
Стоит, как память дорогая;
Бывало, он, – оснежен весь,
Светлеет, огоньком мигая;
Бывало, всё взревает здесь:
Играет скатерть парчевая,
Снегами воздуха взвивая;
И в ней – прослеженная стезь;
Хрустя перемокревшим снегом,
Бегу сюда отдаться негам,
Озябший, заметенный весь.

Так всякий: поживет, и – помер,
И – принят под такой-то номер.

3

Под стук сердец – «в концерт, в концерт»
Мудрец, юнец. Но что их манит,
То – запечатанный конверт:
Словами тайными обманет;
Немой, загаданный глагол,
Неизрекаемый, – он волит:
То мараморохами зол,
То добрым делом соглаголет;
Изранит стужами минут,
Багрянит, звуками измуча, —
Такой мяукающий зуд,
Такая дующая туча!..

Звук множит бестолочь голов
И гложет огненное сердце;
И в звуках нет толковых слов;
Здесь не найдешь единовеца;
Из мысли: вылетят орлы;
Из сердца: выйдет образ львиный;
Из воли: толстые волны...
Из звука: мир многоединый.
Тот, звуковой, – во всё излит;
Та, звуковая, – золотая;
И этот – камень лазулит;
И этот – пламенная стая.

У той: —

– Над златокарей згой
Град Гелиополь: дева Отис,
Милюясь лепетной серьгой,
Целует цветик, миозотис;
Рогами гранными, как черт,
Туда – в века, в лазури-ляпис —
Граниторозовый простерт
В нее влюбленный, странный Апис.

У этой: —

– Вытечет титан,
Златоголовый, змееногий;
Отзолотит в сырой туман:
И – выгорит, немой и строгий;
Седое облако висит
И, молний полное, блистает,
Очами молний говорит,

Багровой зубриной слетает,
Громе тарарахнув в дуб
Под хохотом Загрея-Зевса...

Вот этот вот: он – туп, как... пуп:
Прочел – приват-доцента Гревса...

И дирижирует: Главач.¹⁸
И дирижирует: Сафонов...¹⁹
И фанфаронит: часто – врач;
И солдафонит: каста «фонов»;
Интерферируя наш взгляд
И озонируя дыханье,
Мне музыкальный звукоряд
Отображает мирозданье —
От безобразий городских
До тайн безобразий Эреба,
До света образов людских
Многообразиями неба;
Восстонет в ночь эфирный пад,
В зонах гонит бури знаков:
Золотокосых Ореад,
Златоколесых зодиаков...

.....
Стой – ты, как конь, заржавший стих —
Как конь, задравший хвост строками —
Будь прост, четырехстопен, тих:
Не топай в уши мне веками;
Ведь я не проживу ста лет...
Я – вот... Я – здесь: студент московский,
Я – на подъезде...
Люстры свет.
И – Алексей Сергеич П-овский...
И – сердца бег, и – сердца стук.
Сердца – бегут; на звуки... Верьте, —
В субботу вечером наш круг
На Симфоническом концерте...

Проходят, тащатся, текут;
Вокруг – шпалеры кавалеров:
Купцов, ученых, миллионеров
(Седых, муругих, пегих, серых!);
Марковников профессор – тут;
Бурбон... И – рой матрон «мегерых»,
И – шу-шу-шу, и – ша-ша-ша,
И – хвост оторван: антраша...

---

¹⁸ Петербургский дирижер 900-х годов.

¹⁹ Директор Московской консерватории этого времени.

Багровая профессорша;
За ней в очках профессор тощий
Несет изглоданные мощи
И – злое, женино, боа;
Вот туалет Минангуа:²⁰
Одни сплошные валансьены;
И – тонкий торс; и юбка «клошь», —
Не шумно зыблемая рожь,
Не шумно зыблемые пены;
Блистая ручкой костяной,
Взлетает веер кружевной...
О, эти розовые феи!..
О, эти голубые!.. Ишь: —

Красножилетые лакеи
Играют веером афиш.
Графиня толстая, Толстая,
Уж загляделась в свой лорнет...
Выходит музыкантов стая;
В ней кто-то, лысиной блистая,
Чихает, фракот отлетая,
И продувает свой кларнет...
Возня, переговоры... Скрежет:
И трудный гуд, и нудный зуд —
Так ноет зуб, так нудит блуд...
Кто это там пилит и режет?
Натянута пустое дно, —
Долдонит бебень барабана,
Как пузо выпуклого жбана:
И тупо, тупо бьет оно...

О, невозможные моменты:
Струнят и строят инструменты...
Вдруг!..
Весь – мурашки и мороз!
Между ресницами – стрекозы!
В озонных жилах – пламя роз!
В носу – весенние мимозы!

Она пройдет – озарена:
Огней зарней, неопалимеей...
Надежда Львовна Зарина
Ее не имя, а – «во-имя!..»
Браслеты – трепетный восторг —
Бросают лепетные слезы;
Во взорах – горний Сведенборг;
Колье – алмазные морозы;

---

²⁰ Модная московская портниха 90-х годов.

Серьга – забрежжившая жизнь;
Вуаль провевая – трепет;
Кисей вуалевая брызнь
И юбка палевая – лепет;
А тайный розовый огонь,
Перебегая по ланитам
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаливший меланитом, —
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи...
Летит вуалевая шаль
На бледнопалевые плечи.

И я, как гиблый гибеллин,
У гвельфов ног, – без слов, без цели:
Ее потешный паллади...
Она – Мадонна Рафаэля!
Пройдет, – мы, вспыхнувши, вздохнем,
Идиотически ослабнем...
Пройдет с раскосым стариком,
С курносом, с безволосым бабнем —
Пройдет, и сядет в первый ряд,
Смеясь без мысли и без речи;²¹
И на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд —
Все электрические свечи.
И ей бросает оклик свой —
Такой простой, – Танеев-мейстер;²²
Биноклит в ложе боковой
Красавец обер-полицмейстер.²³

Взойдет на дирижерский пульт,
Пересекая рой поклонов,
Приподымая громкий культ,
Ее почтенный жрец, – Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы, —
Короткий, толстый и седой, —
Он выборматывает что-то;
Под люстры палочкой мигнув,²⁴
Душой, манжетом, фалдой, фракком
И лаком лысины метнув, —
Валторну поздравляет с браком;
И в строгий разговор валторн

---

²¹ Стих А. Блока.

²² С.И. Танеев, композитор, теоретик музыки и бывший директор Московской консерватории.

²³ Впоследствии по всей России известный Ф. Трепов.

²⁴ Впоследствии Сафонов дирижировал без палочки.

Фаготы прорицают хором,
Как речь пророческая Норн,
Как каркнувший Вотанов ворон;
А он, подняв свою ладонь
В речитативы вьолончеля:
– «Валторну строгую не тронь:
Она – Мадонна Рафаэля!»
И после, из седых усов
Надувши пухнувшие губы
На флейт перепелиный зов, —
Приказ выкидывает в трубы;
И под Васильем Ильичом,
Руководимые Гржимали,²⁵
Все скрипканты провизжали,
Поставив ноги калачом.

Бесперый прапор подбородком
Попав в просаки – *с'кон'апель*, —
Пройдет по ноткам, как по водкам,
Устами разливая хмель;
Задушен фракком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Подтопнув, – лысиной Морозов²⁶
Надуто лопается в блеск;
За ним – в разлив фиоритуры,
Бросаясь головой, карга
Выводит чепчиком фигуры:
И чертит *па* и вертит *туры*
Под платьем плисовым нога:
Дрожа, дробясь в колоратуры,
Играет страстная серьга;
Пятно всё то же шурым ликом
На руку нервную легло:
Склоняет Скрябин²⁷ бледным тиком
Необъяснимое чело,
И – пролетит скрипичным криком
В рой гностических эмблем,
Мигая из пустых эонов;
Рукою твердой тему тем
За ним выводит из тромбонов
Там размахавшийся Сафонов:
Кидаясь белой бородой
И кулаками на фаготы, —
Короткий, толстый и немой,
Как бы вынохивает что-то;

---

²⁵ Гржимали, исполнявший первую скрипку в оркестре, профессор Московской консерватории.

²⁶ М.А. Морозов, московский меценат того времени (смотри портрет Серова).

²⁷ Посетитель симф. концертов того времени.

Присядет, вскинув в воздух нос:
Вопрос, разнос во взгляде хитром;
И стойку сделавши, как пес,
Несется снова над пюпитром;
Задохнется и – оборвет,
Платком со лба стирает пот;
И разделяется поклоном
Меж первым рядом и балконом.

И постоит, и помолчит,
И по пюпитру постучит:
И – все листы перевернулись;
Сердца, как в бой, сердца – рванулись...
И вновь – вскипающая новь;
И вновь – всклокоченная бровь;
И вновь – пройдутся фалды фрака;
И стаю звуков гонит он,
Как зайца гончая собака, —
На возникающий тромбон.

Над пухоперою каргою,
Над чепчиком ее счернен
Жеребчиком мышинным – «он»,
Кто вьется пенною пургою
И льет разменной деньгою,
Кто ночью входит в пестрый сон
И остро бродит в ней– счернен —
Над ней, над нами, над вселенной
Из дней, своими снами пленный;
Он – тот, который есть не он,
Кому название легион:
Двоякий, многоякий, всякий
Иль просто окончанье, «ий»,
Виющийся, старинный змий, —
В свои затягивает хмури,
Свои протягивает дури:
Он – пепелеющая лень
И – тяготеющая тень;
Как Мефистофель, всем постылый,
Упорным профилем, как черт, —
Рассудок, комик свинорылый:
К валторне черной он простерт;
Как снег, в овьюженные крыши,
Как в мысли, гложущие мыши, —
В мечты, возвышенные свыше, —
Бросает сверженную сушь:
Сухую прописную чушь;
Упавшим фраком ночь простерши,
Кликуши-души, – ходит он —

Кликуши-души – горше, горше —
Упавшим фракком – душит: в сон!..

Черней, упорней гром в валторне:
Грознее, озорней Она
Грозой молниеносной, горней —
Грозою гор озарена: —

– Так дымом пепелит и мглоет
Виоголовый, мгловый слой;
Как змий, он отдымит, ответ
В багровом горизонте мглой:
Слезами облако, светая,
Слезами полное, молчит;
И в волны, в воздух – тая, тая,
Глазами молнии дрожит,
Как воздыханиями арфы,
Как лепетанием струны —

Души – Марию зрящей Марфы —
Из просветленной глубины!..

И бросят в арфы, – шали, шарфы,
Вздыхая вестью дорогой, —
Вон те, Марии, эти Марфы,
Над жизнью, старою каргой.
Вы, сестры —

– (Ты, Любовь – как роза,
Ты, Вера, – трепетный восторг,
Надежда – лепетные слезы,
София – горний Сведенборг!) —

Соединив четыре силы
В троякой были глубиной,
Меня примите из могилы,
Светите оком – Той, Одной, —
Мечтой вуалевой, как трепет,
Несущей далевую жизнь
На опечаленный мой лепет
Сквозь звуков маревую жизнь.

Моя Надежда, дева Отис,
Милюясь лепетной серьгой,
Вдыхая цветик, миозотис,
Из зовов арфы дорогой,
Бросает взор, лазури-ляпис,
В воздухолетный септаккорд:
И взор, читая звуков запись,

Над миром —
– Аписом —
– простерт!
Перебегает по ланитам
В ресниц прищуренную сонь,
Их опаляя меланитом,
Таимый розовый огонь.

С неименуемую силой
С неизреченных аллилуй
Ко мне, волнуемому Милой,
Мгновенный свеян поцелуй.

Так из блистающих лазурей
*Глазами полными огня,*²⁸
Ты запевающею бурей
Забриллиантилась – в меня:
Из вышины – разгулы света;
Из глубины – пахнуло тьмой;
И я был взят из молний лета
До ужаса – Тобой: Самой!

Ты на меня сходила снами
Из миротворной тишины:
Моей застенчивой весны
Оголубила глубинами;
И мне открылась звуком бурь
Катастрофической цевницы
И милоглазая лазурь,
И поцелуйная денница:
Ее, о время, – опурпурь!

Благонамеренные люди,
Благоразумью отданы:
Не им, не им вздыхать о чуде,
Не им – святые ерунды...
О, не летающие! К тверди
Не поднимающие глаз!
Вы – переломанные жерди:
Жалею вас – жалею вас!
Не упадет на ваши бельма
(Где жизни нет – где жизни нет!) —
Не упадет огонь Сент-Эльма
И не обдаст Дамасский свет.
О, ваша совесть так спокойна;
И ваша повесть так ясна:

---

²⁸ Строка Лермонтова «С глазами полными лазурного огня» перешла в тему Вл. Соловьева «Три свидания», откуда попала в сокращенном виде в мою поэму.

Так не безумно, так пристойно
Дойти до дна – дойти до дна.
В вас несвершаемые лѣты
Неутоляемой алчбы —
Неразрывные миголеты
Неотражаемой судьбы...
Жена – в постели; в кухне – повар;
И – положение, и вес;
И положительный ваш говор
Переполняет свод небес:
Так выбивают полотеры
Пустые, пыльные ковры...
У вас – потухнувшие взоры...
Для вас и небо – без игры!..
.....

Мои мистические дали
Смычком взвивались заливным,
Смычком плаксивым и родным —
Смычком профессора Гржимали:
Он под Васильем Ильичом
(Расставив ноги калачом), —
Который, —
– чаля из эонов
На шар земной, – объятый тьмой,
Рукою твердой на тромбонах
Плывет назад – в Москву, домой:
Слетит, в телодвиженье хитром
Вдруг очутившись над пюпитром,
Поставит точку: оборвет,
Сопит и капли пота льет,
И повернувшись к первой скрипке,
Жмет руки и дарит улыбки,
Главой склоняясь в первый ряд,
Где на фарфоровые плечи,
Переливаясь, бросят взгляд,
Все электрические свечи;
Задушен фраком, толст и розов,
Ладонью хлопнув в переплеск,
Бросаясь лысиной, – Морозов
Надуто лопается в блеск.

И вот идет, огней зарнимей
Сама собой озарена,
Неся, как трэн, свое «во-имя», —
Надежда Львовна Зарина;
Вуали – лепетные слезы;
Браслеты – трепетный восторг;
Во взорах – горний Сведенборг;

Колье – алмазные морозы:
Блеснет, как северная даль,
В сквозные, веерные речи;
Летит вуалевая шаль
На бледно-палевые плечи...

– «Скажи, тобой увлечена
Надежда Львовна Зарина?»
– «Не знаю я...»
– «Быть может?»
– «Да!»

Выходит музыкантов стая,
И кто-то, фраком отлетая,
В чехол слагает свой кларнет...
Пустеет зал и гаснет свет...

У двери – черные шпалеры;
Стоят: мегеры, кавалеры;
И – ша-ша-ша: шуршат, спеша,
Атласами спускаясь с хоров...
– «Не та калоша: Каллаша!»²⁹
Стыдливо низится Егоров;³⁰
Лысеет химик Каблуков³¹ —
Проходит в топот каблуков;
Проходит Нос³² – по воле рока
Он, вы представьте, – без Шенрока!
Выходим!..

---

²⁹ Каллаш – московский писатель и критик.

³⁰ Математик.

³¹ Проф. Моск. университета.

³² Присяжн. повер. *Нос* – посетитель концертов того времени.

4

...Вижу этих дам —
В боа – дородных, благородных;
И – тех: пернатых, страстных дам,
Прекрасных дам в ротондах модных...

Костров каленые столбы
Взовьются в кубовые сини
Из-за редющей толпы;
Стрекозы, рдеющие в иней,
Метаясь, гаснут всем, что есть;
Мордастый кучер прогигикнет;
Снегами радостная весть,
Слетая, сладостно воскликнет;
И прометет – и пронесет
Квадратом лаковым из ночи,
Ударит конским потом в рот,
Завертит огненные очи,
Очертит очерк дорогой
Из соболей в окне кареты...

Вдали слезливую серьгой
Играют газовые светы...

И всё, что было, всё, что есть —
Снеговерченье ясных далей,
Светомолений светлых весть,
Перелетание спиралей!

Но взвоят улицей зима... —

И быстроногою фигурой,
Из ног выметываясь тьма
Растет и сумеречит хмуρο
На белобокие дома;
И мнится: темные лемуры,
Немые мимы, – из зимы,
Мигая мимо, строят туры
И зреют речью:
– «Ты и мы!..»
Иду, покорный и унылый,
Четвероногим двойником:
И – звезденеет дух двухкрылый;
И – леденеет косный ком;
Перемерзая и мерцающая,
Играем роем хрустальной,

Налю из зеркала лица я
Перезеркаленных лилей, —
И там, под маской, многогрешный,
Всклокочу безысходный срам,
Чтобы из жизни встал кромешный
Бесцельный, сумасшедший храм...

Взлетайте выше, злые мимы,
Несясь вдоль крыши снеговой,
Мигая мимо – в зимы, в дымы —
Моей косматой головой!..

О, обступите – люди, люди:
Меня спасите от меня;
Сомкните молнийные груди
Сердцами, полными огня.
Я – зримый – зеркало стремлений,
Гранимый призраком алмаз
Пересеченных преломлений:
Мигнув, отбрасываюсь – в вас,
Как переполненный судьбою
На вас возложенный венец:
Созрею, отдаваясь бою
Родимых, греющих сердец.
Вы – подойдете, я – омолоден;
Вы – отойдете, я – не тот: —
Я переломлен, переполнен
Переполохами пустот,
Как тени пустолетний конус,
Как облачка высотный лет,
Как бессердечный, вечный тонус
Несуществующих высот.

На тучах строятся фигуры:
И я – изъятьем лицевым,
Дробимый, сумеречный, хмурый,
Несусь по кучам снеговым;
Из ног случайного повесы
Тянусь – безвесый, никакой:
Меня выращивают бесы.
Невыразимую тоской...
Мы – неживые, неродные, —
Спираль чьих-то чуждых глаз:
Мы – зеркала переливные —
Играем в ясный пустопляс;
На стенах летом пляшут пятна;
В стакане светом пляшет винт;
И все – так странно непонятно;
И все – какой-то лабиринт...

Глаза – в глаза!.. Бирюзовеет...
Меж глаз – меж нас – я воскрешен;
И вестью первую провеет:
Не – ты, не – я!.. Но – мы: но – Он!

А ум насмешливый, как леший,
Ведет по плоскости иной:
Мы чешем розовые плечи
Под бирюзовую весной;
Перемудрим, перевопросим,
Не переспросим, не пойдем,
Мечту безвременную бросим,
По жизни бременно пройдем;

И не выносим, и ругаем
В летах переблиставший дым:
Бодаем жалобным бугаем,³³
Брыкаем мерином седым.
Рассудок, свинорылый комик,
Порою скажет в зовы зорь,
Что лучше деревянный домик,
Чем эта каменная хворь;
И прячет голову, как страус,
Отскочит в сторону, как пес,
Вмаячив безысходный хаос,
В свой обиходный, злой «хавó»...
Переварив дары природы
Тупыми животами, – мы
Перетопатываем годы;
И – утопатываем в тьмы.

Вставайте, морочные смены,
Пустовороты бытия,
Как пусто лопнувшие пены, —
Да, вас благословляю я!
Бросай туда, в золотое море,
В мои потопные года —
Мое рыдающее горе
Свое сверкающее: «Да!»
Невыразимая Осанна,
Неотразимая звезда,
Ты Откровением Иоанна
Приоткрывалась: навсегда.

Кропя духами Аткинсона
Ей ометеленный подъезд,
Пред Нею, тайною иконой,

---

³³ Бугай – бык по-малороссийски.

Я упивался блеском звезд;
Она ко мне сходила снами
Из миротворной глубины
И голубила глубинами
Моей застенчивой весны;
Персты орфической цевницы
Приоткрывали звуком бурь
И поцелуйные денницы,
И милоглазую лазурь.

Остановясь перед киотом,
Бывало, пав под фонарем,
Я, полоненный миголетом,
Молением тихим осенен;
В белопокровы, в ветроплясы
Метясь светелицей на нас,
Влача свистящие атласы,
Вставал алмазноглазый Спас.

Бывало: белый переулок
В снегу – дымит; и снег – летит.
И Богоматерь в переулок
Слезой перловою глядит.
Бегу Пречистенкою... Мимо...
Куда? Мета – заметена,
Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна.

Кто там, всклокоченный шинелью,
Скрыв озабоченный свой взор,
Прошел пророческой метелью
(Седую головой – в бобер),
Взвиваясь в вой седоволосый,
Своей космою пурговой,
Снегами сеющий вопросы
На нас из Вечности самой.
А вихри свистами софистик
Заклокотали в кругозор,
Взвизжали: «Вот – великий мистик!»
И усвистали за забор.

Мигают звезды теософии
Из неба кубового в вой;
Провеял кризис философий,
Как некий гейзер снеговой:
Так в ночи вспыхивает магний,
Бьет электрический магнит;
И над поклонниками Агни,
Взлетев, из джунглей заогнит...

Бегу Пречистенкою – мимо:
Куда? Мета – замечена;
Но чистотой необъяснимой
Пустая улица ясна...

Проснулась на Девичьем Поле
Знакомым передрогом ширь:

– «Извозчик: стой!»
– «Со мною, что ли?»
– «В Новодевичий монастырь!..»
– «Да чтоб тебя: сломаешь сани!..»
.....

И снова зов – знакомых слов:
– «Там – день свиданий, день
восстаний...»
– «Ты кто?»
– «Владимир Соловьев:
Воспоминанием и светом
Работаю на месте этом...»
И – никого: лишь белый гейзер...
Так заливается свирель;
Так на рояли Гольденвейзер
Берет уверенную трель.

Бывало: церковка седая
Неопалимой Купины,
В метели белой приседая,
Мигает мне из тишины;
Перед задумчивым киотом —
Неугасимый фонарек;
И упадет легким летом
Под светом розовый снежок.
Неопалимов переулок
Пургой перловою кипит;
И Богоматерь в переулок
Слезой задумчивой глядит.

Эпилог

Двадцатилетием таимый,
Двадцатилетием чернен,
Я слышу зов многолюбимый
Сегодня, Троицыным днем, —
И под березкой кружевною,
Простертой доброю рукой,
Я смыт вздыхающей волною
В неутихающий покой.

*Троицын день и Духов день
Петроград, 1921 года*